

## Глава 4

Первая неделя учёбы пролетела быстро. В четверг вечером на самоподготовке по математике для всей параллели устроили контрольную.

Когда после двух часов прозвенел звонок, учитель математики хлопнул ладонью по кафедре:

— Первый ряд, встаём, собираем работы! Ручки отложить. Что вы там ещё пишете?

Руань И надел колпачок на ручку, поднялся и пошёл к кулеру в конце класса — налить воды.

За неделю, если считать по пальцам, набегало от силы несколько уроков — толком ничему не научишь. Контрольная нужна была скорее для того, чтобы привести в чувство тех, кто телом сидел в классе, а мыслями всё ещё витал где-то далеко: спрашивали исключительно материал средней школы.

Руань И заранее пролистал учебники по математике за среднюю школу от корки до корки — на полях ещё сохранились его старые конспекты и разборы классических задач, которые давал учитель. По отдельности темы были несложными, читалось быстро, и, захлопнув последнюю книгу, он был почти уверен: сдать на проходной балл труда не составит.

Теперь же... Он отпил воды, чувствуя острую необходимость взять себя в руки.

На предпоследней задаче он застрял уже на первом вопросе. В прошлой жизни он, конечно, был полным неучем в старшей школе, но такое даже для его самолюбия оказалось чересчур. Провести радиус от центра окружности до точки на ней — элементарнейшее дополнительное построение, с которым справится кто угодно, — а он просидел над условием целых десять минут и так и не сообразил.

На экзамене в среднюю школу он получил по математике сто девятнадцать баллов — все ответы верные, где-то сняли лишь пару баллов за оформление. Листок с результатами до сих пор хранился у него в дипломе об окончании школы. Руань И заранее готовил себя к тому, что вернуться на уровень двадцатилетней давности, сразу после того экзамена, будет непросто, но нынешнее состояние всё же превзошло его ожидания.

Дело было не в самой линии, которую он не провёл. Построения, приёмы решения, конкретные шаги в каждой задаче — всё это, по сути, не имело значения. По-настоящему важен был сам ход мысли: с какой точки заходить, как выстраивать рассуждение шаг за шагом. Разнородные условия, которыми пестрели задачи, были не более чем отвлекающим манёвром; за этой мишурой скрывалась проверка мышления и логики как таковых.

Слишком долго он не касался этих вещей — и его мыслительные способности и впрямь притупились.

Руань И взглянул на часы — восемь тридцать две. В получасе ходьбы от Шестой школы находился рынок учебных пособий "Голубое небо", закрывался он в половине десятого.

Он закинул рюкзак на плечо и, прихватив стакан, спустился вниз. Стоило выйти через заднюю дверь Корпуса Задумчивости, как он увидел человека, которого меньше всего хотел видеть.

Лу Бинчэнь, засунув руки в карманы, спросил с притворным недоумением:

— Ты каждый день здесь ходишь?

Со временем он и сам успел забыть, что у Корпуса Задумчивости вообще есть этот чёрный ход. Который день он караулил у главного входа — и ни разу так и не подловил Руань И. Если бы он не прошёл мимо двадцать третьего класса и не заметил напротив той аудитории узкую лестницу, ведущую вниз, — так и не сообразил бы, что здесь тоже есть выход. Не окажись он тут сегодня, снова остался бы ни с чем.

Руань И опустил взгляд и лишь спустя пару секунд спросил:

— Что-то нужно?

Эта холодность, с какой обращаются к чужаку, будто ушатым ледяной воды окатила сердце Лу Бинчэня, разом смыл всю его радость и предвкушение. В груди осталось лишь клубящееся чёрное марево.

Подавив вспышку злости, Лу Бинчэнь не переставал улыбаться:

— А ты как думаешь?

— Если ничего не нужно, — сказал Руань И, — пропусти.

Он попытался обойти Лу Бинчэня и пройти дальше, но в тот момент, когда их плечи почти соприкоснулись, тот вдруг выбросил руку и перехватил его запястье. Прежде чем Руань И успел среагировать, Лу Бинчэнь резко притянул его к себе, накрыв всем своим высоким телом, — и удержал в этом жёстком, неподатливом захвате. Свободная рука медленно поднялась к подбородку Руань И, сжав его — не сильно, но и не слабо.

— Секунду назад и правда ничего не было нужно... — Он прищурился, тихо усмехнувшись. — Но теперь появилось.

С самого перерождения раздражение от холодности Руань И копилось слой за слоем, изводя его почти до иступления. Но чем сильнее его это грызло, тем безмятежнее становилось лицо Лу Бинчэня — он даже выглядел слегка небрежным.

— Руань И, — сказал он, — будь моим парнем.

Руань И, не раздумывая, впечатал кулак ему в лицо.

В прошлый раз, когда Лу Бинчэнь произнёс эти слова, они принесли ему унижение, какое ему и не снилось. И вот, переродившись, он снова услышал их из тех же уст. На миг ярость и растерянность захлестнули Руань И так, что в голове стало пусто — секунды на две.

От удара голова Лу Бинчэня дёрнулась в сторону, во рту появился привкус крови — видимо, зуб обо что-то ударился.

Он вытер уголок губ и медленно повернул голову обратно:

— ... У тебя гомофобия?

Руань И промолчал.

В прошлой жизни Лу Бинчэнь наводил справки и знал, что до него у Руань И вообще не было отношений — в такое время тот, чего доброго, ещё считал себя натуралом. Тогда Лу Бинчэнь тоже заметил его рано, но действовал не спеша, постепенно подводя к мысли о своих чувствах. В этот раз он не сдержался и выпалил признание с порога — пожалуй, для Руань И это и правда оказалось слишком сильным потрясением.

От этой мысли злость поутихла, напряжённые мышцы лица расслабились.

— Не злись, я без злого умысла. Просто как увидел тебя — сразу и влюбился. Говорить так рано не собирался, само вырвалось.

Руань И дёрнул уголком рта в презрительной усмешке.

Голова у него была опущена, и Лу Бинчэнь не разглядел выражения его лица, зато то, что Руань И безропотно замер в его объятиях, заметно подняло ему настроение. Он протянул руку, откинул со лба Руань И отросшую чёлку, чуть согнул длинную ногу, легко потёршись о его бедро, а другой ладонью обхватил талию, сжал — и недовольно протянул:

— Что за худоба такая. Может, сводить тебя куда-нибудь поесть как следует?

В голосе прозвучали хрипловатые, будто заискивающие нотки.

Руань И поднял голову — и встретился взглядом с чёрно-белыми, чётко очерченными глазами Лу Бинчэня.

Сердце вдруг сжалось.

Он вдруг подумал: а может, Лу Бинчэнь и правда влюблён... не в него самого, а в определённый типаж.

Проще говоря, у Лу Бинчэня всегда был один и тот же вкус, и Руань И просто по случайности попадал под большинство пунктов. Иначе, как не раз говорили ещё в прошлой жизни, — зачем такому, как Лу Бинчэнь, с безупречной внешностью и происхождением, которому доступен любой, кого он пожелает, унижаться и возвращаться за обедками к нему?

Теперь это осознание уже не ранило Руань И так больно — он лишь ощущал горькую насмешку судьбы. В двух жизнях подряд неизбежно связаться с одним и тем же человеком — поистине паршивая карма.

Он оттолкнул руку Лу Бинчэня:

— Спасибо, гомофобии у меня нет. Но и особых чувств к тебе я тоже не питаю.

На слове "особых" он сделал отчётливый нажим.

— Твои выходки меня только смущают. Если можно, я бы хотел, чтобы мы виделись как можно реже. — Руань И сделал паузу и добавил с намёком: — И на самом деле дело не во мне. Тебе просто любопытно, или ты решил, что попробовать однополые отношения будет забавно. Но я скучный человек, подыгрывать тебе не собираюсь.

На самом деле ему хотелось добавить: если тебе просто приглянулось моё лицо и ты хочешь затащить меня в постель — тем более не стоит стараться. Ты уже спал со мной и после этого решил, что ничего особенного.

Улыбка Лу Бинчэня похолодела:

— Думаешь, я просто хочу с тобой поиграть?

— Если бы я действительно хотел развлечься, чего бы мне не хватало, кого бы я не нашёл? — Он подавил гнев, стиснув зубы. — Стал бы я так... Руань И, тебе не кажется, что твои слова оскорбительны?

Руань И больше не хотел ничего отвечать.

Проживая эту жизнь заново, он ждал от Лу Бинчэня лишь одного: чтобы тот держался от него как можно дальше. А будет ли Лу Бинчэнь в этом мире процветать или бедствовать — в это Руань И вмешиваться не желал вовсе. Такие, как Лу Бинчэнь, — что на вершине, что на дне, —

всё равно обречены оставаться там, куда обычному человеку не дотянуться. Раз уж он не в силах ему угодить, то и пытаться больше не станет.

Что до тех обид, что причинил ему когда-то Лу Бинчэнь, — если бы им и вправду удалось разойтись раз и навсегда, он полагал, что со временем сумеет их отпустить. Не простить — просто перестать считать. Мужчине без конца сводить счёты из-за сердечных дел — в этом, как ему казалось, нет никакого смысла.

Руань И бросил взгляд на часы.

На разговор с Лу Бинчэнем ушло уже больше двадцати минут, время близилось к девяти. Задержись он ещё немного — рынок "Голубое небо" успеет закрыться.

— У меня ещё дела, — сказал он. — Я пойду.

На этот раз Лу Бинчэнь его не остановил.

Сжав кулаки, он смотрел вслед удаляющейся фигуре, пока та не растворилась в колышущихся тенях деревьев, слившись с ними без остатка.

Лу Бинчэнь резко развернулся и с размаху ударил кулаком по стене — кирпич пошёл трещинами, посыпалась известковая крошка.

Рынок "Голубое небо" стоял у самой набережной, а к девяти часам народу на прогулочной аллее вдоль реки собиралось больше всего. Стараясь заманить покупателей, каждый магазинчик увешивал фасад транспарантами и плакатами, а из динамиков несло зазывное: наши материалы — самые свежие и полные, составлены ведущими преподавателями вузов, бьют точно в самую суть экзаменационных вопросов, отражают новейшие тенденции ЕГЭ.

Проще говоря, здесь предлагали самый короткий путь к успеху: заходи и покупай — не купишь, останешься в дураках.

Рынок "Голубое небо", расположенный неподалёку от Шестой школы, торговал в основном пособиями для старшеклассников. Руань И обошёл семь или восемь лавок, прежде чем нашёл прилавок с материалами для средней школы. Свежие сборники экзаменационных заданий этого года со всей страны уже успели напечатать, причём в самых разных форматах — от полных комплектов чистых вариантов до сжатых сборников задач с разбором. Прикинув время, он рассудил: двадцать третий класс относился к обычному потоку, программа там продвигалась медленнее всех в параллели, но и тут скоро должны были дойти до усложнённого материала. На то, чтобы пройти всю среднюю школу заново, у него оставалась в лучшем случае неделя — о массовом решении задач и речи быть не могло. Придётся довольствоваться повторением базовых тем и точечной тренировкой на самых сложных местах, чтобы хоть немного закрепить понимание.

По каждому предмету он взял по одному сборнику задач, расплатился на кассе и с полным пакетом пособий пошёл обратно.

Контрольную писали в четверг вечером, а уже на втором уроке в пятницу учитель математики велел раздать проверенные работы. Результат почти совпал с ожиданиями Руань И — семьдесят восемь баллов, на двенадцать меньше проходного.

Тун Тун вернулась из учительской и, едва усевшись, высунула язык, наклонившись к Чи Ян прошептала:

— Демоница в учительской с кем-то сцепилась. Сейчас на нас, наверное, зло сорвёт.

Учителя математики двадцать третьего класса звали Яо, прошлые выпуски прозвали её Демоницей, и не прошло и недели с начала учёбы, как это прозвище докатилось и до их класса.

— А что случилось, мы плохо написали? — спросила Чи Ян.

— Да вроде не то чтобы... У нас в классе вообще-то есть один стобалльник, а в других обычных классах максимум сто тридцать с чем-то. — Тун Тун нахмурилась. — Но Демоница сравнивает не с обычными классами, а сцепилась почему-то с Сестрой Цинь. У той в профильном классе десяток стобалльников, куча со ста сорока, а ниже ста двадцати — по пальцам одной руки пересчитать. Демоница как услышала — сразу взбесилась, наговорила всякого.

Сестра Цинь возглавляла математическую секцию их параллели, вырастила не одного лучшего ученика провинции и была настоящей золотой визитной карточкой Шестой школы. Характер у неё был лихой, сама смелая и любящая повеселиться: когда её когда-то распределили в гуманитарный класс, она с группой девчонок поставила на новогоднем вечере школы скетч по мотивам "Легенды о Чжэнь Хуань", в котором прошла буквально по каждому больному месту Шестой школы. Зрители внизу хлопали так, что не могли остановиться, а после скетча немало голосов сорвали от криков.

С тех пор Фан Цинь мгновенно стала звездой школьного форума. В Шестой школе, независимо от параллели и от того, учился ли у неё кто-то лично, все, упоминая её, уважительно называли не иначе как "Сестра Цинь".

Тун Тун таинственно понизила голос:

— Я слышала одну сплетню. У Сестры Цинь с Демоницей давняя вражда. В прошлом выпуске они тоже работали в одной параллели, и как-то раз Демоница отвесила пощёчину одному ученику из своего класса. Отец мальчика об этом узнал и пришёл разбираться в школу. В итоге школа перевела вести тот класс Сестру Цинь, а Демоницу убрали. С тех пор они друг друга на дух не переносят.

— Она, наверное, считает, что Сестра Цинь тогда её опозорила, — тихо вздохнула Чи Ян. — У нас в средней школе тоже было похожее. Администрация сперва тоже хотела сменить учителя — всё-таки перед родителями отчитаться надо было. Но никто не соглашался брать класс: все понимали, что этот выпуск рано или поздно уйдёт, а коллегам ещё вместе работать. В итоге просто перевели того ученика в другой класс, и на этом всё закончилось.

Тун Тун, кипя праведным негодованием, ткнула трубочкой в крышку молочного чая, втянула полный рот жемчужин тапиоки и яростно захрустела ими:

— Фу, мерзость какая!

<http://bllate.org/book/20540/2106325>